ОСТРОВКИ

рассказики

Виктор Богатырёв

18+

Виктор Богатырёв
Островки

https://litres.ru/74937184
SelfPub; 2026

Аннотация

«Островки» — это архипелаг ироничных историй из жизни молодых людей 80-х–90-х. Учёба, армия, дружба, взросление. Всё как у людей.

Истории я собирал, как заправский барахольщик на блошином рынке.

В хламе, среди пыльных банальностей и битого стекла, выискивал нечто особенное. Какой-нибудь затертый анекдот, завалящую сплетню или просто фразу, брошенную кем-то в пустоту.

Правда здесь только одна - в интонации. Если вам станет чуть-чуть грустно и и чуть-чуть смешно одновременно - значит, у меня получилось.

Содержание

Вступление	4
Рассол	6
Скользкие сапожки	15
Сиеста	23
Геометрия жизни	27
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Островки

Вступление

Перед вами книжка рассказиков под общим названием «Островки».

Название, честно говоря, претенциозное. Отдаёт чем-то морским, романтическим и слегка пафосным. Как будто автор стоит на капитанском мостике с трубкой в зубах, а вокруг него плещут волны вечности.

На самом деле всё проще. Никакого мостика нет. Есть кухня, чёрный чай и то, что каким-то образом закрепилось в памяти.

Память вообще штука ненадёжная, а уж моя — в особенности. Она не хранит архивы, как положено, а разбрасывает всё в беспорядке. Тут — лицо случайного знакомого, там — аромат свежезаваренного чая на кухне, а посередине — фраза, брошенная кем-то в очереди. И всё это существует отдельно, само по себе. Островки. Архипелаг.

Я никогда не вёл дневников. Считал это занятием для людей организованных и слегка занудных. Записывать свои мысли — значит придавать им вес, которого они не имеют. А потом, кто знает, вдруг эти записи найдут? И что тогда? Стыд и срам.

Но истории я собирал. Как сорока — блестящее. Где-то

услышал, где-то подсмотрел. Большая часть, конечно, выдумана. Точнее, придумана на основе одной лишь фразы, оброненной в вагоне поезда или за стойкой бара. Фраза — это как косточка. Вроде бы мелочь, а если посадить — вырастет дерево. Или, в моём случае, небольшой кривой куст.

Что-то мне рассказали друзья. Что-то — враги. Впрочем, у меня не было врагов, были только приятели, которые иногда говорили гадости. Что-то я пережил сам. Хотя сам — это громко сказано. Я скорее стоял рядом и смотрел.

Если вы ищете здесь правду фактов, вы обратились не по адресу. Правда здесь только одна — правда интонации. Всё остальное — литература.

Эти истории не хроника. Это острова в море времени. Одни населены людьми. Другие — пусты, и я сам не знаю, зачем туда приплыл. Но каждый из них — кусочек чьей-то, пусть и вымышленной, жизни. Или того, что я ошибочно принимаю за жизнь.

Короче говоря, читайте. Если вам станет чуть-чуть грустно и чуть-чуть смешно одновременно — значит, у меня получилось. А если нет — что ж, понимаю. В наше время трудно угодить. Тем более — островками.

Я просто человек, который проиллюстрировал эти островки и решил, что их стоит показать.

Рассол

В восемьдесят пятом году у каждого уважающего себя студента была мечта. Не о карьере. Не о квартире. Даже не о девушке. Мечта была о магнитофоне с хорошим приёмником. Таким, который ловит BBC.

Потому что оттуда, из далёкого города Лондона, Сева Новгородцев вёл свои «Рок-посевы». И это было окно в мир, где существовала музыка, а не то, что нам предлагали считать музыкой.

Сева говорил спокойно, с лёгкой иронией, как человек, который знает что-то важное, но не настаивает.

Мы слушали его сквозь треск, шипение и завывание глушилок. Голос то пропадал, то появлялся, как радиосигнал с другой планеты. Но мы ловили каждое слово. Потому что это были не просто слова. Это были координаты. Названия групп. Названия альбомов. Пароли в другой мир.

Маркел Монастырский учился на механика, друзья и хорошие знакомые называли его Митей.

Как и все мы, он ещё не решил, будет ли впоследствии работать по специальности или нет.

Он собирался слушать музыку. Для этого нужен был аппарат. И не какой-нибудь, а с чувствительным тюнером, с длинной телескопической антенной, с верньерной настройкой, которая позволяла поймать ускользающую волну за две

секунды до того, как её задавят.

И вот Мите удалось. Через знакомых, через родственников, через целую цепочку людей, каждый из которых был обязан предыдущему, он приобрёл в «чековом» магазине «Белая акация» фирменный кассетный аппарат Sony. Настоящий. С чёрной матовой панелью, с мягкими клавишами, с индикатором уровня записи, который мигал зелёным огоньком, как глаз довольного кота.

Это был не просто магнитофон. Это был портал. Митя ставил его на подоконник, выдвигал антенну и медленно крутил ручку настройки. Шипение, треск, обрывки советских радиостанций, снова шипение...

И вдруг — голос. Спокойный, чуть насмешливый:

«Здравствуйте, дорогие радиослушатели. В эфире программа "Рок-посевы"».

Митя замирал. Это было счастье. Настоящее, без примесей.

Но одного приёмника мало. Нужны были записи. Потому что эфир — он как дождь: прошёл и нет. А запись — это собственность. Её можно поставить в любой момент. Её можно переписать другу. Она делает тебя человеком состоятельным.

У Серёги записи были. И аппарат был неплохой — во всех смыслах. Серёга жил в частном доме недалеко от центра, в отдельной комнате, которую все называли «хата». В этой хате стоял двухкассетник, а на полке — коробка с кассетами.

Настоящая сокровищница. И среди прочего — два альбома группы Pink Floyd. «Wish You Were Here» семьдесят пятого года и «The Dark Side of The Moon» семьдесят третьего.

Это были не просто альбомы. Это были легенды. Мы знали о них по рассказам, по обрывкам эфиров, по фотографиям обложек в каких-то неведомых журналах. Но услышать целиком, в нормальном качестве, без помех — это было как попасть в закрытую часть музея, куда не пускают посторонних.

Митя жил недалеко от Серёги, можно сказать, что они были соседями.

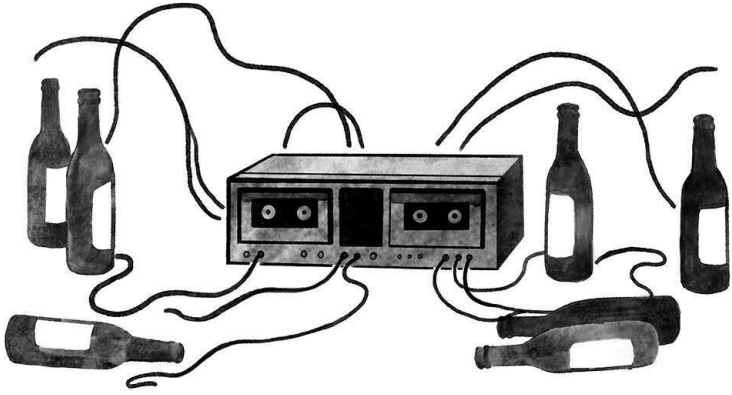
Решили собраться у Серёги. Переписать. Дело назначили на субботу, потому что в будни мы изображали студентов, а по субботам становились собой.

Для этого мероприятия Олег, наш общий друг, человек с невероятными связями, через знакомого администратора ЦУМа достал коробку фирменных кассет Sony. Целую коробку — десять штук. Это была операция, по сложности сопоставимая с переброской войск через границу. Администратор мялся, говорил, что кассеты «идут в нагрузку», что «надо выписать накладную», что «он рискует». Олег кивал, соглашался, сочувствовал. Через неделю коробка лежала у Мити на столе.

Пиво взяли в гастрономе через дорогу. «Жигулёвское». Бутылок десять-двадцать. Точное количество не помню, потому что счёт в таких делах — занятие бессмысленное. Бра-

ли с запасом. Перезапись — процесс длительный. Сторона — сорок пять минут.

Альбомов два. Плюс настройка. Плюс разговоры. Плюс неизбежные споры о том, что лучше — «Тёмная сторона» или «Жаль, что тебя здесь нет».

Собрались к семи. Серёгина мать — похожая и непохожая на всех наших матерей, мудрая, спокойная женщина с лицом человека, который давно перестал удивляться, — выглянула из кухни, оценила масштаб мероприятия и молча закрыла дверь. Она понимала: сейчас начнётся то, во что лучше не вмешиваться.

Серёга колдовал над аппаратурой. Два магнитофона стояли рядом, соединённые проводом, как два пациента, которым переливают кровь. Митя смотрел на действия Серёги почтительно, как смотрят на действия врача, спасающего пациенту жизнь. Олег разливал пиво.

— Главное — не перегрузить, — говорил Серёга, щурясь на стрелки индикаторов. — А то на басах будет каша.

Мы кивали. Про кашу на басах каждый из нас знал только теоретически, но признаваться не хотелось.

Начали с «Темной стороны Луны». Поставили кассету, нажали кнопки. И музыка пошла. Та самая. Вступление, которое мы слышали раньше только сквозь треск радиопомех. А тут — чистый звук, как из первого ряда.

Мы сидели и слушали. Даже не пили сначала. Просто слушали. Это было почти религиозное переживание. Сердце стучало где-то в горле. Хотелось то ли смеяться, то ли плакать. Мы не знали, что музыка может так действовать. Оказалось — может.

Потом выпили за то, что живём в такое время. Потом за Севу Новгородцева, который открыл нам всё это. Потом за Серёгу, у которого были записи. Потом за Митю, который достал Sony. Потом за Олега, который достал кассеты. Потом за администратора ЦУМа — отдельно, потому что он сделал для культуры больше, чем иной министерский работник.

«Темная сторона Луны» легла на плёнку идеально, без единого изъяна. Мы выпили за это дело, и настроение под-

нялось до уровня, когда хочется говорить о высоком.

Когда дошла очередь до «Wish You Were Here», пиво уже дало о себе знать. Митя пытался объяснить концепцию альбома, но запутался в собственных мыслях и замолчал. Олег смотрел на вращающиеся части кассет с выражением человека, который видит вечность. Серёга нажимал кнопки с преувеличенной осторожностью — так человек в подпитии старается казаться трезвее, чем он есть.

Перезапись удалось запустить не сразу. Сначала перепутали стороны. Потом забыли нажать «Rec». Потом Серёга заявил, что надо поменять кассеты местами, потому что «так звук мягче». Короче, прошло минут двадцать, прежде чем процесс пошёл.

Серёга откинулся в кресле и сказал:

— Теперь главное — не уснуть.

Лучше бы он этого не говорил. Потому что музыка Pink Floyd — она нежная, обволакивающая, как тёплая вода. Особенно после десятой бутылки. Она не требует от тебя ничего. Она просто течёт, и ты течёшь вместе с ней. Сначала мы сидели в креслах. Потом сползли поудобнее. Потом закрыли глаза — просто чтобы лучше слышать...

Щелчок разбудил всех одновременно. Этот резкий, механический звук, с которым кассетник доедает ленту до конца. Мы подскочили, как будто в комнату вошёл кто-то чужой.

Секунд десять молчали. Голова была тяжёлая, мутная. Шея затекла. В висках стучало. То ли от сна в неудобной по-

зе, то ли от пива, то ли от всего вместе. Митя посмотрел на свой Sony с выражением человека, который не может вспомнить, как оказался в этом месте.

Серёга потёр лицо ладонями:

— Записалось?

Проверили. Кассета была на месте, счётчик показывал положенное. Кажется, всё прошло. Но радости не было — слишком болела голова.

В этот момент дверь открылась, и вошла Серёгина мать. Она двигалась бесшумно, как доброе привидение, всё понимающее. В руках у неё был поднос с разной снедью, в том числе и глубокая тарелка с солёными огурцами. Обычные, домашние, с грядки. Кривенькие, пупырчатые, с хвостиками укропа. Она поставила поднос и молча вышла.

Мы ели. Сначала без аппетита — так, по инерции. Потом втянулись. Огурцы были крепкие, хрустящие, с чесночным духом. А рассол... Рассол мы сначала пить не решались. Но Митя, как самый пострадавший, рискнул первым. Налил полстакана, выдохнул и выпил.

Минуты через три он прислушался к себе. Потом удивлённо поднял брови.

— А ведь отпустило, — сказал он.

Мы не поверили. Но Олег тоже выпил рассола. Потом Серёга. И действительно — головная боль, ещё недавно уверенная в себе, как партийный лектор, отступила. Просто ушла. Растворилась.

Мы переглянулись. Это было открытие. Настоящее. Может быть, более важное, чем все альбомы Pink Floyd вместе взятые.

— Вот это да, — сказал Олег. — А мы-то мучились.

— Народная медицина, — кивнул Серёга. — Наука бессильна.

— Надо запомнить, — сказал Митя. — На всю жизнь.

И мы запомнили. Действительно на всю жизнь.

Потом посидели ещё немного. Разговор шёл ленивый, ни к чему не обязывающий: о кассетах, о том, что Sony всё-таки лучше, о том, что надо бы собраться ещё, что жизнь в целом не так уж плоха, если есть пиво, музыка и солёные огурцы.

Разошлись затемно. Каждый уносил с собой кассету — новенькую, фирменную, с аккуратной наклейкой, где шариковой ручкой было выведено: «Pink Floyd». Митя прижимал к груди свой Sony и улыбался. В голове у него ещё звучали отголоски «Темной стороны Луны». А может, это просто шумело в ушах.

Дома он первым делом выдвинул антенну и покрутил ручку настройки. Сквозь шипение и треск пробился знакомый голос:

«...и это была группа Pink Floyd, альбом "Wish You Were Here", который мы с вами только что прослушали. А теперь — новости рок-музыки...»

Митя стоял у окна и слушал. Где-то там, в далёком Лондоне, Сева Новгородцев говорил о музыке так, будто ниче-

го важнее на свете не существует. И Митя думал, что, в общем-то, так оно и есть.

А рассол — великая вещь. Это вам не какая-нибудь заграничная химия. Это наше, родное. Как и «Жигулёвское». Как и Серёгина хата. Как и музыка, которая усыпила ребят на сорок пять минут.

Магнитофон Sony работал ещё долго. Лет десять. Потом Митя продал его какому-то школьнику, потому что началась другая эпоха — с дисками, компьютерами и прочей ерундой. Но ту первую кассету, переписанную у Серёги, он не выбросил. Она лежала в ящике стола, пожелтевшая, с полустёртой надписью. Иногда Митя доставал её, вертел в руках и улыбался.

Потому что это была не просто кассета. Это была молодость. А молодость — она как рассол. Кажется, что ничего особенного, а без неё голова болит всю оставшуюся жизнь.

Скользкие сапожки

Двадцать третье февраля 1986 года — с одной стороны, ничем не примечательный зимний день, а с другой стороны — День Советской армии и Военно-морского флота.

День, исполненный величия и тоски. Величие источали газетные передовицы, тоску — завсегдатаи пивных ларьков, доводившие себя до кондиции после работы независимо от времени года и дня недели.

Олег и Маркел, студенты, будущие техники-механики, к вооруженным силам имели отношение отдаленное, но почтительное. Через год-полтора им предстояло эти самые силы пополнить.

Хотелось ли им служить? С одной стороны — да. С другой — нет.

Как человек хочет прыгнуть с парашютом, но боится высоты.

Или жениться — но пугается неизвестности, которую таит в себе даже самая кроткая женщина.

В центре Симферополя, возле центрального универмага, открылась пиццерия.

Само слово звучало как музыка, как заклинание из запретного мира. Олег и Маркел, ребята широких взглядов и узких финансовых возможностей, решили: надо идти. И не просто идти, а отметить. Ибо праздник, да и перед армией

стоит вкусить немного «красивой» жизни, да и просто весело провести время.

— Возьмем Вовочку, — предложил Олег, щурясь от скупого февральского солнца.

— А кто это? — спросил Маркел.

— Друг мой. Его все зовут Вовочка. Чем он конкретно занимается, история умалчивает. Кажется, он и сам не в курсе.

— Человек-загадка, — усмехнулся Маркел.

— С ним ещё девушка будет. Имени не помню.

Да и так ли важно имя девушки в сплоченной мужской компании...?

Какое-то простое, женское, беззащитное.

Вроде Светы. Или Лены. А может, Любы. Когда знакомили, Олег имя не запомнил, а переспросить постеснялся. В результате прошло полгода, и переспрашивать стало уже неприлично.

К пиццерии подошли солидно, как старые мафиози.

Флаги, украшавшие ЦУМ со времени праздника Великого Октября, то ли дрожали от февральского холода, то ли приветствовали входящих в пиццерию. С фасада на входящих с укоризной смотрел Карл Маркс с сотоварищами, призывая выполнить пятилетку за три года.

У Олега во внутреннем кармане позвякивала бутылка водки.

В пакете у Вовочки темнела бутылка вина — для девушки.

Марка вина была неопределенной, как национальность

Достоевского.

«Нектар дунайских долин» или что-то в этом роде. Этикетка обещала блаженство, бульканье намекало на головную боль.

Пиццерия внутри пахла остро и сладко.

Пицца, если честно, напоминала ватрушку с мясной начинкой, сверху приправленную сыром и томатной пастой.

В порции было две штуки, заказали каждому по порции. Вкус был пронзительным, как крик чайки. Аромат обещал райское наслаждение.

Водку разлили в граненые стаканы. В стаканах этих минуту назад дымился кофейный напиток — бурая жидкость, от кофе имевшая только название и слабое послевкусие желудевой горечи. Кристально чистая влага, встретившись с остатками напитка на стенках, приобрела загадочную мутноватость, отдаленно напоминавшую деревенский первач.

— За Советскую армию! — прошептал Вовочка, и в этот момент, словно олицетворение карающей длани, возникла уборщица.

Женщина с лицом человека, пережившего коллективизацию и не утратившего способности ненавидеть. В руке у неё была швабра, в глазах — приговор.

— Алкоголь?! — спросила она так, будто обнаружила по меньшей мере труп.

— Это кофе, — сказал Олег. — Очень плохо растворился.

— Товарищи студенты, здесь культурное учреждение! —

Швабра качнулась, как миноискатель.

Пришлось пить быстро. Всю бутылку — в один розлив. Вино для девушки, чье имя кануло в Лету, тоже ушло залпом.

Организм, ещё не привыкший к экстремальному приёму алкоголя, отреагировал незамедлительно. «Шибануло», как говорил один из одногруппников Маркела и Олега, любитель крепких и точных выражений, кстати, тоже Олег, но почему-то все его звали «Папой».

Шибануло качественно, добротно, как и положено в праздник.

На улице было зябко и темно. Фонари горели через один, экономя государственную энергию. Решили прогуляться.

Зимний Симферополь был тих и печален.

Снега почти не было, но ветер дул такой, что мысль о неизбежной армейской шинели уже не казалась такой уж отвратительной. Дышали паром, шутили, хохотали над каждой глупостью.

Под отеческим прищуром слегка припорошенного снегом Ильича, в районе площади Ленина, выяснилось, что Вовочка и безымянная девушка исчезли. Потерялись. Или нашли друг друга настолько, что остальные стали лишними.

— Жалко, — сказал Маркел. — Хорошая была девушка.

— Имя только дурацкое, — отозвался Олег. — То ли Галя, то ли Валя. Что, впрочем, было совершенно неинтересно.

Ноги сами принесли их к парку Тренёва.

В народе — «Тренёвка». Место, где назначали свидания, дрались из-за идейных разногласий и просто сидели на лавочках, вдыхая аромат прелых листьев.

А рядом, каким-то архитектурным чудом, притулился коньячный бар. Стеклянные двери его светились янтарным, зазывным светом.

Как тут не зайти?

— По чуть-чуть? — спросил Олег, понимая, что чуть-чуть уже никак не получится.

— Исключительно для сугреву, — согласился Маркел. — Ты же сказал, шинель не скоро, а профилактику простуды никто не отменял.

В баре было шумно и дымно.

Коньяк и лимон.

Коньяк пился легко, оставляя внутри приятное, обволакивающее тепло, лимонная долька, щедро посыпанная солью, прелестно оттеняла послевкусие коньяка.

Посетители бара напоминали персонажей забытого романа:

два капитана дальнего плавания спорили с местным философом о природе женской неверности.

В углу кто-то играл на гитаре, но так фальшиво, что даже звуки глохли от стыда.

Взяли по сто грамм, потом добавили ещё по пятьдесят, потом сознание зафиксировало только дружеское рукопожатие и тост «Ну, за срочную, за неизбежность!».

Когда вышли, город уже спал.

До остановки троллейбуса нужно было брести пешком, и тут выяснилась ужасная деталь: у Олега оказались дьявольски скользкие сапоги.

Рифлёная подошва, купленная «на туче», оказалась предателем. Он скользил, как конькобежец-любитель, то и дело взмахивая руками.

Маркел, бережно держа товарища под локоть, философски заметил:

— Это знак. В армии сапоги будут кирзовые. Там не поскользнешься.

— Если доживу, — отвечал Олег, балансируя над пропастью замёрзшей лужи.

До троллейбуса добрались. Последний, случайный, светящийся огнями, он казался ковчегом спасения.

Разъехались по домам. Где чей дом, на тот момент помнили смутно, но инстинкт, выработанный поколениями, не подвел.

На следующий день встретились в аудитории. Лица были бледные, но глаза лукаво блестели. Техническая механика и сопротивление материалов в этот день проходили мимо их сознания, как нейтральные воды.

— Ну и вчера мы... — сказал Маркел, криво усмехаясь.

— Отметили, — кивнул Олег. — Армия будет плакать.

И оба засмеялись тем особым, ироничным смехом людей, которые знают: самое страшное — это неизвестность. А когда неизвестность встречаешь с друзьями, в скользких сапогах и с остатками кофейного напитка в стакане — это уже не страх, а почти что сюжет для юмористического рассказа.

Сиеста

Обычно родителей в наше учебное заведение не вызывали.

Студент считался существом автономным, почти разумным.

Если уж кого и звали, то самого — на ковёр, для профилактической беседы о вреде всего на свете.

А тут — общее собрание на втором курсе. Да ещё и с родителями.

Да ещё и в кабинете гидравлики.

Почему именно гидравлика — теперь уже не установить.

Видимо, других помещений не нашлось, а это пустовало. Кабинет был мрачноватый, весь уставленный стендами с трубами и манометрами. На стене портрет какого-то учёного, который изобрёл то ли насос, то ли водопровод — сейчас не вспомнить — соседствовал с неизменным портретом то ли Карла, то ли Маркса.

От стен тянуло холодком, металлом и неясной угрозой, словно трубы могло вот-вот прорвать и залить нас всех житейской мудростью.

Родители сидели рядком вдоль окон, положив сумки на колени.

Вид у них был озадаченный.

Ещё бы — человек готовился к вечеру у телевизора, а

его выдернули на собрание, усадили среди труб и заставляют слушать про успеваемость.

Отцы косились на манометры с тем особым выражением, какое бывает у мужчины, когда он прикидывает, можно ли эту штуку приспособить в гараже.

Староста Валера сидел за отдельным столом, спиной к доске, на которой мелом был начерчен разрез какого-то насоса. Выражение лица у Валеры было такое, будто он и есть этот насос — загнанный в разрез, со всеми потрохами наружу.

Что именно обсуждали — бог весть. Успеваемость, поведение, посещаемость, может быть, какой-нибудь случай аморалки.

Слова сливались в знакомый, убаюкивающий гул. Было слышно, как в трубах что-то подозрительно булькает. То ли отопление, то ли наша совесть.

И вот градус начал повышаться.

Кто-то из деканата взял слово и стал говорить о том, что мы — будущее страны победившего социализма, а ведём себя как настоящее страны в самой её непарадной части.

Родители заволновались, зашуршали плащами. Валера побелел и сжал руки в замок, словно собирался взять себя в заложники, коим он и являлся в данной ситуации, поскольку, высказывая претензии в адрес группы, выступающие обращались к нему.

Тут поднялся Саня.

Парень он был просторный, неторопливый и стригся коротко, что придавало ему сходство с памятником какому-то основателю.

Все замерли.

Родители втянули головы. Валера прикрыл глаза, как перед казнью.

Саня откашлялся и сказал спокойно, чуть лениво, но с выражением, обращаясь не то к собранию, не то к портрету изобретателя водопровода:

— Валера — человек хороший. А староста у него — должность.

И сел.

На несколько секунд воцарилась тишина, какая бывает только в кабинете гидравлики, когда перестают булькать трубы. Все перерабатывали услышанное.

Фраза была простой до гениальности и сложной до полной непостижимости.

В ней слышалось и оправдание Валеры (а в его лице — и всей нашей компании), и лёгкая ему индульгенция, и тонкое замечание о природе власти вообще.

Напряжение лопнуло. Сперва хмыкнул кто-то из отцов — видимо, узнал себя.

Потом засмеялась одна мама, затем другая. Валера открыл глаза и даже слегка порозовел. Ему будто сообщили, что он ни в чём не виноват, просто так сложились обстоятельства, случилось прекрасное и всё сказанное ранее было

ошибкой и преувеличением.

Собрание покатилось к финалу на удивление гладко.

Все вдруг заговорили вполголоса, заулыбались, стали прощаться, как на выходе из гостей, где было не очень вкусно, но зато душевно.

Трубы в стенах снова забулькали — на сей раз, кажется, одобрительно.

Я часто потом вспоминал эту Санину фразу.

Она работала безотказно, как проверенный манометр.

В ней был ключ к пониманию многих вещей. Начальник — должность. Продавец в пивном ларьке — должность.

«Друг», который не вернул трёшку, — тоже должность. Сама жизнь — отчасти тоже должность, которую исполняешь в меру способностей и везения.

А «человек хороший» — это призвание, это навсегда!

Саня так и остался с тех пор в статусе народного мудреца.

Хотя, думаю, ему это было без надобности.

Он просто сказал, что думал.

Что для мудреца — случай почти исключительный.

Сейчас по прошествии более сорока лет, в очередной раз поздравляя Валеру с днем рождения, думаю, что вовремя сказанные слова, как бокал хорошего игристого в сиесту к устрицам, могут поменять, казалось бы, безнадежную ситуацию к лучшему. Жаль, что мы нечасто их говорим, находя объяснение своему несказанному, несделанному…

Геометрия жизни

В конце восьмидесятых жизнь напоминала армейский вещмешок.

Снаружи — грубая ткань, ремни, видимость порядка. А внутри — сплошная неизвестность и пара запасных портянок. Так во всяком случае, казалось молодым людям призывного возраста.

Олег учился в заведении, которое стояло на благоустроенной набережной. Набережная была именно благоустроенной, без дураков.

Фонари стояли, как ракеты, готовые к покорению космоса в мирных целях. Чугунная ограда красилась раз в год, независимо от погоды и политической обстановки. На скамейках сидели пенсионеры и голуби.

И те, и другие производили впечатление людей, с интересом созерцающих происходящее вокруг них.

Дорожки были вымощены массивными плитами. По таким плитам удобно бегать, если у тебя есть синий спортивный костюм и склонность к ежедневным подвигам.

Каждый будний день, с двенадцати до половины первого, у Олега была большая перемена. Не та, жалкая, на которой успеваешь только добежать до курилки и обратно или сделать пару глотков чая, а полноценная. Тридцать минут. По тем временам — почти вечность, сопоставимая со сроком за

тунеядство.

Студенты вываливались на набережную. Курили, спорили о футболе, смотрели на реку. Река текла мимо, не обращая на них никакого внимания. И в этом была её несомненная правота.

Минута в минуту, ровно в двенадцать пятнадцать, мимо пробегал человек. Хорошо сложенный, спортивный. Синий тренировочный костюм сидел на нём, как мундир на генерале. Бежал он трусцой, глядя перед собой так, будто впереди была не провинциальная набережная, а по меньшей мере олимпийская дорожка в Мюнхене.

Олег полагал, что бегун принадлежит обществу «Динамо» или «Трудовым резервам». Впрочем, в те времена все кому-то принадлежали. Даже тараканы, как говаривал один знакомый слесарь, принадлежали жилконторе. И вели себя соответственно — нагло и безнаказанно.

Олег иногда встречал этого человека на спортивных мероприятиях. Сам Олег занимался боксом. Бокс — занятие, требующее не столько силы, сколько умения терпеть. Бокс учит смотреть на мир с известной долей скепсиса: если тебя бьют по лицу, значит, ты что-то делаешь не так.

Бегун производил впечатление человека, которого жизнь била мало. Возможно, потому что он от неё убегал. А может, она просто была к нему благосклонна. Впрочем, убежать от жизни — всё равно что убежать от собственной тени. Вроде бы получается, а на самом деле она всегда рядом, и вид у неё

при этом довольно глупый.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.